

Мальчик с Инвалидной улицы

В Бобруйске увековечили память об Эфраиме Севеле

Он прожил жизнь, как хотел: ярко, искрометно, ни на что и ни на кого не оглядываясь. Многие не принимали и не понимали его поступков, практически всегда они шли вразрез со сложившимся стереотипом о здравом смысле. Баловень судьбы, который все время играл с ней, без видимых усилий добился всего того, к чему многие стремятся, но так и не преодолевают заветной планки: славы, признания, материального достатка. Он был человеком мира, но до конца своих дней считал себя прежде всего бобруйчанином.

В литературе XX века имя Эфраима Севелы принадлежит к особому слою прозаиков, среди которых Михаил Зощенко, Исаак Бабель, Ильф и Петров. У литературы такого толка нет второго ряда, есть только первый. Это пьедестал для избранных – тут либо дано, либо нет. А основа данности – талант, которым отмечены единицы.

В первый июльский день 2016 года в самом центре Бобруйска возле кинотеатра «Товарищ» был торжественно открыт памятник Эфраиму Севеле. Возведение в городе монумента в честь выдающегося писателя-земляка было инициати-

вой бобруйчан, которые давно покинули родной город. Председатель Бобруйского горисполкома Андрей Коваленко ее поддержал. А спонсорами стали три одноклассника, когда-то учившиеся в 19-й бобруйской школе – Геннадий Рабкин и Феликс Цупрун (ныне граждане США), а также житель Бобруйска, председатель наблюдательного совета ОАО «Легпромразвитие» Александр Преснецов.

Бобруйск, как и Одесса, в свое время был культурной столицей. И тоже столицей провинциальной. Сравнить эти города по размерам, по именам выходцев из них, оставившим свой след в мировой истории, конечно, сложно. Одессу мы ассоциируем, в первую очередь, с Исааком Бабелем, Юрием Олешей, Ильфом и Петровым, а Бобруйск – с Эфраимом Севелой. Одесса считается столицей южной писательской школы. А Бобруйск? Он остается Бобруйском...

Авангардная культура всегда зарождается в малых городах, а повзрослев и материализовавшись, перебирается в столицу в образе своих конкретных носителей. Максимальную степень свободы творец получает только в больших городах, где можно

раствориться и уединиться. Парадоксально, но авангард, родившись в провинции, ею же полностью и отторгается. Как все неожиданное и новое он непонятен, а потому нуждается в поддержке. Именно поиск этой поддержки обрекает его носителя на переезд в столицы...

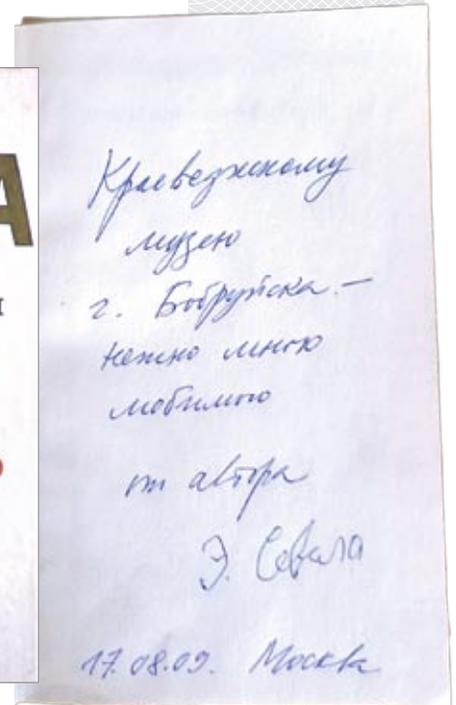
Отец и сын

Настоящее имя Эфраима Севелы – Ефим Евелевич Драбкин. Он родился 8 марта 1928 года, задолго до того, как Международный женский день стал в СССР выходным. Его родители увлекались спортом, и даже познакомились они на бобруйском стадионе «Спартак». После выхода в отставку Евель Драбкин, который был кадровым офицером, стал тренером по греко-римской борьбе, тогда ее называли классической. От природы крепкий, он легко ломал кирпичи, восхищая мальчишек.

В детстве Фима любил подраться, потому что был хорошо натренирован. Он, по сути, вырос на стадионе, где тренировался и выступал в соревнованиях в полусреднем весе отец. А еще Драбкин-старший был хорошим гимнастом. Свои гимнастические трюки он показывал на крыше дома, на кирпичной трубе. Ко всему в этой жизни, в том числе и к опасностям, относился легко. Отец мечтал, чтобы его Фима стал боксером, и был уверен, что для этого у мальчика есть все данные.

Евель Драбкин прожил до 99 лет: он последним из большой еврейской семьи – мишпохи – эмигрировал в США. С матерью у будущего всемирно известного писателя с самого детства отношения складывались сложно. Она, по его словам, не любила сына, ведь он был нежеланным ребенком. Возможно, Рахиль Драбкину тяготили воспоминания: когда она забеременела, трое Гельфандов, ее родных братьев, поймали Евеля Драбкина и «объяснили», что он обязан жениться.

Ефим рос крепким мальчиком и цеплялся за жизнь. В годовалом возрасте он чуть не умер из-за неосторожности отца. Драбкин-старший, получавший продуктовые пакеты как ведущий спортсмен республики, однажды накормил сына... дефицитной сухой колбасой. Малыш протянул руку к деликатесу, который аппетитно жевал отец, а тот просто не подумал, что это слишком тяжелая

▲ Этот автограф писателя на книге «Легенды Инвалидной улицы» хранится в Бобруйском краеведческом музее

пицца для такого ребенка. Маленький Фима отравился. Но его выжили...

К любой ситуации в жизни Эфраим Севела относился с неподдельным юмором, хотя был и крайне обидчив. Детские комплексы, эгоизм? Возможно. Для творческой личности это скорее норма, чем исключение. Своей исторической родиной он считал Инвалидную улицу. Воспоминания о ней писатель назвал в собственном стиле – «Легенды Инвалидной улицы». А топонимику этого места определил так: «Улицу назвали Инвалидной, потому что в городе всегда кого-то били. Кутузов Наполеона, Наполеон Кутузова, Гитлер Сталина, Сталин Гитлера, всегда кто-то кого-то бил...».

Местечковые евреи в мировой литературе, в том числе и еврейской, – это, в большинстве своем, жертвы погромов, мудрые, но слабые, не умеющие постоять за себя физически. Если, например, процитировать написанное о евреях начала XX века в мемуарах генерала Антона Деникина, который, к слову, никогда не был антисемитом, это вызовет гнев и отторжение. Эфраима Севелу всегда тяготило такое отношение к его народу. Евреи с Инвалидной улицы у него – богатыри. Писатель все время подчеркивает это. «Какие люди жили на

Инвалидной? Ента Шилькрот: в Бобруйск приехал на гастроли ее брат Хаим. Правда, теперь он всюду числится как Иван Вербов. Чем он занимался? Как зарабатывал деньги? На арене боролся со львом Султаном. И каждый раз побеждал. Лев покорно ложился на спину. Ента не могла перенести такого позора. Ее брат Хаим стал Иваном Вербовым. Это раз. И деньги он зарабатывал некрасиво. И Ента решила наказать брата. Во время очередного представления она вошла в клетку со львом. Зрители ахнули, они ожидали самого худшего. Но Ента рукой толкнула льва, и тот упал. Назавтра опозоренный Иван Вербов уехал из города, бросив льва и не рассчитавшись за гостиницу. Деньги за него заплатил брат Меир, а льва определили в зоопарк и откормили.

На Инвалидной улице мальчики старше десяти лет не плакали. А уличное светило доктор Беленький был высок и могуч, как дуб. Он отличался от балагул (извозчиков. – И.К.) только тем, что носил на большом носу пенсне с золотой цепочкой. Однажды доктора хотели ограбить. Доктор поймал грабителя, собственноручно оглушил ударом кулака по голове и потом, верный присяге Гиппократу, наложил швы, прописал лекарство и отпустил на все четыре стороны».

«Я люблю этот юмор, я люблю этих людей, – признавался в одном из интервью Севела. – Я не скажу, что в моих «Легендах» документально, что вымышлено. Отвечу на вопрос так: в «Легендах» все искренне...». Действительно, где у Эфраима Севелы кончается легенда и начинается жизнь, не могут понять даже самые близкие ему люди. Это мнение Владимира Львовича Мехова, минчанина и однокурсника писателя по отделению журналистики филологического факультета Белорусского государственного университета. К слову сказать, на том же факультете почти в те же годы учился и Алесь Адамович...

У Севелы никогда не было полутонов – он жил на грани. И писал то, о чем люди не говорили, но о чем думали.

Война

Начало Великой Отечественной войны... Долгое время об этом периоде в жизни Эфраима Севелы ходило множество легенд. На склоне лет он подробно рассказал обо

всем: «Я потерялся на второй день войны. Перед самой войной мы приехали в гости в город Поставы. До сих пор помню озеро и замок в этом городке, где жило много евреев. Поставы находятся недалеко от границы. Там муж маминей сестры по фамилии Брудский был председателем горисполкома. Он жил в доме напротив единственного в городе радиорупора. 22 июня я отправился на озеро ловить щучек на петлю. Я видел, это было днем около двенадцати часов, как летали надо мной самолеты. Я пошел домой. Дядя жил на втором этаже. Мама вышла, чтобы поторопить меня. Она кричит: «Стынет обед на столе», а внизу по улице уже шла длиннейшая колонна немецкой пехоты. И все хохочут, улыбаются. Они уже были в городе, а мы не знали, что началась война. Дядя подогнал машину, на кузове которой стоял ручной пулемет, и как сейчас помню, мы сели со старшиной Гавриленко, и он нас вывез из немецкого тыла. Мы обогнали немцев. На дорогах был слоеный пирог: наши, немцы, все вперемежку. Гавриленко довез нас до Полоцка. Посадил в товарный состав, состоящий из открытых платформ, груженных прессованным сеном. Я, естественно, забрался наверх и смотрел на звезды. Недалеко от Орши на нас налетели два фашистских самолета и стали бомбить. От взрыва, который был рядом, я вылетел вместе с тюками в небо и приземлился на полотне, а поезд пошел дальше. Мама была уверена, что я погиб. Она видела, как мои ноги летели по небу. Я шел на огонь пожара и дошел до Орши. Никому до меня не было дела. Там мне сказали милиционеры: «Мальчик, никого не ищи, никто здесь не останавливается». Узловая станция, жуткая бомбежка. Я блуждал от станции к станции».

Отец Эфраима Севелы в это время был в действующей армии и 3 июля 1941 года как раз находился в Гомеле. В начале июля сюда попал и его сын Ефим. Через много лет после войны в одной из бесед они вспомнят, как на привокзальной площади в Гомеле они стояли у громкоговорителя и слушали речь Сталина: «Братья и сестры!.. Не отдадим врагу ни грамма зерна, ни станков, ни другого добра!.. Все силы народа – на разгром врага! Вперед, за нашу победу!»

Это было ровно в полдень, они были на одной площади. Могли встретиться, но не увидели друг друга...

В «Легендах Инвалидной улицы» есть рассказ, как семнадцатилетний Фима Драбкин возвращается с фронта. Появившись в Бобруйске, он сразу же пошел к дому, который принадлежал его деду. Много позже писатель так вспоминал эту историю: «Я приехал после войны в Бобруйск, чтобы продать дом деда Шаи, потом хотел поехать в Москву, сдать экстерном экзамены за школу и поступить на учебу в институт. Иду по улице и не вижу ни одного дома, все сгорело, только спинки кроватей с никелированными шарами остались, печные трубы и бурьян. Это было летом 1945 года. Дом у деда был замечательный. В доме был даже дубовый паркет. Представляете, в то время. Думаю, пропали мои деньги. Подхожу к своему дому и вижу, стоят ворота, крепкие дедовы ворота. И дом на месте, и даже из трубы дым валит. Я подумал, что тыловые крысы захватили мой дом, пока я воевал. И приготовился драться. Вхожу в дом и вижу маму, красавицу Риву и свою сестру Дору, которая сейчас живет в Израиле в Модиине. Мама стояла в красной косынке. Она посмотрела на меня и чуть не потеряла сознание. С тех пор, как я потерялся, она не слышала обо мне и была уверена, что я погиб. Когда мама была в Сибири в эвакуации, ей гадала на камушках какая-то сибирская старуха и, раскидав камушки, сказала: «У тебя пропало два мужика. Сегодня они еще оба живы». Мама ей ответила: «Дура ты, баба, его при мне разорвало на части. Он летел в небо по кулкам, я сама видела».

А в это время подросток Фима Драбкин уже бродяжничал, пел песни солдатам на вокзалах. Там его и заметил подполковник Евгений Павлович Крушельницкий. Офицер обнял его за плечи и сказал: «Поедешь со мной». Так мальчишка стал сыном полка. С войсками дошел до Германии и даже был награжден медалью «За отвагу». Подполковник Крушельницкий погиб в самом конце войны в возрасте 39 лет. Он умирал на руках у Фимы...

Евель Драбкин несколько раз попадал в плен. Жизнь ему спасло имя татарина Резы Оглаева, его погибшего ординарца, и легенда, что он вырос в детском доме под Москвой и по этой причине не знает татарского языка. Однажды ночью в бараке он спросонья заговорил по-еврейски. Сосед по нарам сообщил об этом немцам и получил

◀ Эфраим Севела с женой Юлией Гендельштейн и дочерью Машей в Париже. 1971 год

100 граммов хлеба и пачку махорки. Во время допроса Драбкин-старший твердил, что он татарин, и наговаривают на него для того, чтобы получить пачку махорки. Реакция немецкого офицера была неожиданной: он приказал наказать доносчика, а первым приказано было бить отцу Севелы. Но он отказался...

Судьба была благосклонна к Драбкиным. Им суждено было уцелеть в пекле войны. Невредимыми вернулись с фронта отец и сын.

Эмиграция

Дебют Ефима Драбкина как сценариста пришелся на 1957 год. На киностудии «Беларусьфильм» был снят фильм «Наши соседи» по его сценарию. И в этом же году Ефим Драбкин... перестал существовать. Псевдоним Эфраим Севела стал и строчкой в паспорте.

...24 февраля 1971 года в 11 часов утра группа евреев-«отказников» захватила приемную Президиума Верховного Совета СССР. Двадцать четыре человека выдвинули советским властям ультиматум с требованием разрешить выезд из СССР в Израиль: в противном случае они объявляли о своей бессрочной голодовке. Нынешнему поколению сложно объяснить, что в советское

время уехать из страны и поменять местожительство, а тем более гражданство, было почти невозможно. Многие получали отказ. Он всегда давался в устной форме. А пояснение чаще всего звучало так: ваш отъезд считаем нецелесообразным. Так появлялись «отказники».

Весь трагизм и вся сложность ситуации для тех, кто подал заявление на выезд и не получил разрешения, заключалась в том, что человек фактически выпадал из социума. Людей увольняли с работы, членов КПСС исключали из партии, молодежь – из комсомола, отчисляли из вузов. И в этой ситуации даже устроиться простым дворником было весьма проблематично.

Массовая эмиграция евреев конца 1960-х годов, безусловно, имела в своей основе государственный антисемитизм послевоенного времени, подогретый «шестидневной» арабо-израильской войной 1967 года, когда СССР разорвал дипломатические отношения с Израилем.

У властей, так же как и у желающих выехать на Запад, были свои аргументы. Власть боялась утечки мозгов и указывала на то, что все желающие уехать получили первоклассное образование в СССР, причем бесплатное, и таким образом состоялись, что было сущей правдой. Желающие уехать в ответ говорили о государственном антисемитизме, квотировании при поступлении в вузы, сложности в карьерном росте, что тоже было правдой. Такое отношение, разумеется, не было оформлено на законодательном уровне, а имело под собой некую устоявшуюся традицию и по большей части опиралось на негативное общественное мнение. Секретарь ЦК КПСС, бывший посол СССР в ФРГ Валентин Фалин, которого сложно заподозрить в антисемитизме, приводил такой пример. В Ленинграде в 1970-е годы работал научно-исследовательский институт, занимавшийся акустикой водной среды. Годами от него не было никакой отдачи. Поменяли руководителей, ничего не изменилось. Поменяли весь коллектив, результат тот же. А уехавшие в Израиль уволенные сотрудники из старого состава опубликовали результаты своих исследований...

Говоря по правде, уезжавшие из СССР евреи не вызывали сочувствия в широких массах. Многие говорили: чего им не хватало? И в самом деле, чего? Тот же Севела об

акции 24 февраля узнал за сутки. И именно он передал письменные требования властям.

К этому времени Эфраим Севела – один из самых успешных сценаристов страны, имевший в Москве трехкомнатную квартиру в районе станции метро «Аэропорт». На сегодняшний день это то же самое, что коттедж в ближнем Подмосковье. Об эмиграции он в то время и не задумывался – все сложилось само собой.

Захват здания приемной Президиума Верховного Совета СССР был актом отчаяния «отказников». Но с позиций того времени, да и сегодняшнего дня, это было уголовно наказуемое деяние. Захватившие здание знали и помнили, что за попытку угона самолета из Ленинграда в Финляндию 15 июня 1970 года Эдуард Кузнецов и Марк Дымшиц были приговорены к расстрелу, замененному под давлением западной общественности 15-летним тюремным заключением. И все-таки у «отказников» была надежда, что власть пойдет им навстречу. Почему? Через месяц с небольшим открывался XXIV съезд КПСС, на котором Генеральный секретарь Леонид Брежнев должен был выступить с «Программой мира». Были и другие обстоятельства, которые могли сыграть положительную роль. И сыграли. В общем, всех выпустили, кроме одного... Эфраима Севелу депортировали из СССР. Финалом истории стала трагедия, о которой знаменитый писатель неохотно говорил. У него всегда были сложные отношения с матерью. Но именно этот поступок стал роковым: «Я ее подвел. Я сделал одно опаснейшее дело, и она не выдержала. Был скандал в прессе, и очень злые слова, когда я уехал из Советского Союза. Это был 1971 год, и мама не выдержала. Она покончила жизнь самоубийством. Ее звали Рахиль».

Еврейский вопрос

Объяснение поступкам Севелы для многих лежит в плоскости его импульсивности и предельной ранимости, заставлявшей страдать даже от мелкого бытового антисемитизма. Парадокс антисемитизма не могут объяснить даже признанные интеллектуалы. Владимир Молчанов в передаче «До и после...» однажды спросил у Владимира Познера, как мог появиться в послевоенном

СССР государственный антисемитизм, ведь тогда у большинства высших руководителей жены были еврейками. Познер отвечал многосложно и долго. И все свелось к личности Сталина. Но со Сталиным тоже не все так просто. Многие забывают, что он был основным из инициаторов образования еврейского государства и добился своего, несмотря на активное противодействие Англии.

Очевидно, Сталин руководствовался и внутривосточным мотивом, заключенным в одном слове – Крым. Эта «жемчужина мира» всегда была узловой точкой в конфликте интересов трех империй: Российской, Османской и Британской. В 1920 году Владимир Ленин взял кредит 50 миллионов долларов у Рокфеллера на восстановление страны после Гражданской войны. Кредит давался на 25 лет, и срок его погашения приходился на 1945-й. Рокфеллер под этот кредит выпустил ценные бумаги с высоким процентом, которые купила практически вся политическая элита США того времени.

Отдавать кредит у страны возможности не было, и в начале войны серьезно рассматривался вопрос о послевоенном образовании еврейского государства на территории Крыма. Разговоры были настолько серьезными, что Соломон Михоэлс, собирая в еврейской общине США деньги для Советского Союза, выставлял это первым аргументом для оказания помощи воюющей стране. Были ли какие-то письменные свидетельства на этот счет или все ограничилось устным обещанием со стороны Сталина Михоэлсу, никто не знает. Возможно, какие-либо нерассекреченные документы и существуют. Но факт остается фактом – Михоэлсу эти закулисные игры стоили жизни.

«Шестидневная» война 1967 года только усилила антисемитские настроения в СССР, хотя и перевела их в непубличную плоскость. Прикрытием стало словосочетание «израильская военщина», а сам Израиль подавался как всемирный монстр, которого нужно бояться. На то, что речь идет о крохотном государстве на Ближнем Востоке, название которого на географических картах не всегда помещалось, никто не обращал внимания. Как не обращали внимания и на отсутствие в дружественном в то время Египте коммунистической партии,

◀ Эфраим Севела

хотя во враждебном Израиле их действовало целых две...

Претендовать на знание истины сложно, но, на мой взгляд, источником бытового антисемитизма в Стране Советов была зависть. Зависть всегда примитивна, потому как в своей основе она держится на незнании и непонимании. Человеку необразованному трудно понять, как удалось народу, изгнанному со своей земли, на протяжении тысячелетий сохранить свою культуру. Ответ на этот вопрос дают сами евреи – они не ассимилируются и не растворяются в других культурах. А социальные ограничения и гонения трансформируются в большую внутреннюю работу, желание достичь максимума в своей профессии – от ремесленника до ученого с мировым именем. Евреям удалось усвоить и передавать из поколения в поколение понимание, казалось бы, очевидного: одной головой человек всегда работает больше, чем двумя руками.

Для «научного» обоснования антисемитизма в истории нашей некогда общей страны фактов больше чем достаточно. Для нас XX век – век революций. И то, что во главе революционных партий большинство составляли евреи, правда. Как правда и то, что в годы репрессий руководители НКВД в основном были евреями. Есть один нюанс, объясняющий истоки этого, – обе революции 1917 года для еврейского населения носили прежде всего национально-

ИЗ КНИГИ «ЛЕГЕНДЫ ИНВАЛИДНОЙ УЛИЦЫ»

«Дедущка Лева и все три бабушки были честнейшими людьми и такими коммунистами, каких сейчас уже нет. Я уж не говорю о прадедущке Лapidусе. Он был лично знаком с Лениным, и его можно поставить в музей и показывать посетителям за плату. Они всю жизнь получали награды за хорошую работу, ордена и медали. Очень много благодарностей, которыми можно было обклеить стены в их маленьких тесных квартирках. Они никогда не хитрили и не ловчили, хотя занимали высокие должности. И, конечно же, не воровали. Но в семье не без урода. Нашим уродом, без которого семьи не бывает, был дедущка Сема. Он единственный не был коммунистом и ни в какие идеалы не верил. Дедущка Сема верил в деньги. И делал их в большом количестве. Как? Очень просто. Он, в отличие от остальной родни, не учился и не получил высшего образования. Те, с высшим образованием, жили на свое жалкое жалование, на сухую зарплату, как говорил дедущка Сема. А он не знал счета деньгам. Потому что он заведовал пивным ларьком на Тишинском рынке. Маленький киоск, сбитый из листов фанеры и на скорую руку покрашенный линючей краской. Там стоит большая деревянная бочка с помпой, и дедущка Сема качает эту помпу, и из крана в толстые стеклянные кружки бежит струйка пива, наполняя их доверху пенной шапкой. Все дело в пене. Полкружки пива, полкружки пены. Пена — чистая прибыль дедущки Семы. Покупатели — народ нетерпеливый. Вторая статья его доходов — ведро или два водопроводной воды, подлитой в бочку. Жаждающий народ не отличает разбавленное пиво от неразбавленного. И снова денежки текут в карман продавцу. Если отбросить родственные чувства и посмотреть на это со стороны, то дедущка Сема — вор. Самый элементарный вор, которому место за решеткой. И так на него смотрит остальная родня. Но он не просто вор, а выдающийся вор. Потому что ни разу не сидел долго. Он — воруга, спекулянт, аморальный тип, жулик, ловчила, паразит, расхититель социалистической собственности, взяточник, мародер, разрушитель устоев советского государства — это лишь малая толика кличек, какими его наградила негодующая родня, был самым дружелюбным человеком в нашей семейке.

Жулик Сема, разрушитель устоев советского государства, подкармливал, чтоб они не протянули ноги из-за своей честности, всех остальных членов нашей семейки — строителей коммунизма. Ко дням рождения приносил самые дорогие подарки, доставал по блату заграничные пальто и ботинки, которые ни за какие деньги не купишь. Подбрасывал всем в холодильники дефицитные колбасу или копченую рыбу. Давал денег взаймы. И никогда не напоминал о долге. И у него брали. Хотя и краснели, и клялись, что имеют дело с этим аморальным типом в первый и последний раз. По семейным праздникам, подвыпив, даже целовались с ним и вместе пели революционные песни. Других песен мои предки не знали. Дедущка Сема подпевал им без слов. Мычанием. Потому что он выговорить не мог диковинные слова этих песен. Наши твердокаменные коммунисты слушали жулика Сему и оттаивали»

освободительный характер. Они убирали черту оседлости и уравнивали евреев в правах с титульной нацией в бывшей Российской империи. Впрочем, парадоксальна и вторая закономерность, свойственная любой масштабной революции, — евреи стали одними из первых жертв в годы террора.

Российский историк и писатель Геннадий Костырченко за книгу «Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм» получил премию Федерации еврейских общин России и звание «Человек года — 5762». А в этой книге он ни много ни мало утверждает: Сталин не планировал депортацию евреев в 1953 году, и репрессии со стороны системы госбезопасности закончились тогда, когда Сталин очистил это ведомство от евреев. Было ли так на самом деле? Вопрос остается открытым.

Умение артикулировать проблему, подать ее в нужном виде и контексте и жесткость в отстаивании своих позиций — удивительная черта этого народа, которой и нам не грех поучиться. Маленький Израиль за Холокост во время Второй мировой войны получил в качестве компенсации от Германии сто миллиардов долларов (!). Евреи поставили вопрос перед мировым сообществом о своей трагедии и получили на него ответы. XX век для Беларуси по многим вопросам был трагичным. И самый больной вопрос на сегодня, на который не обращают внимания ни на Востоке, ни на Западе, — чернобыльская трагедия. В итоге — на протяжении тридцати лет маленькая небогатая европейская страна за свой счет решает глобальную проблему, получая лишь ярлыки типа «последней диктатуры в Европе». Над этим стоит задуматься...

Возвратимся же к еврейской теме. Скромность, безусловно, хорошее качество. Но мы можем и должны сказать всем, и прежде всего самим себе, что Беларусь — единственная европейская страна, в которой не было проявлений крайних форм антисемитизма. На территории Беларуси не было еврейских погромов. А факты, изложенные в книге Александра Солженицына «Двести лет вместе» о еврейских погромах на Гомельщине, не совсем корректны — это были присланные с российской территории казачьи сотни. И если уж следовать исторической правде, то белорусы жили вместе с евреями не двести, а пятьсот лет. По мнению практически всех людей,

переживших немецкую оккупацию в годы войны, Бабий Яр в Беларуси был невозможен в принципе – генетический код человечности срабатывал и в экстремальных ситуациях военного времени. Беларусь по праву можно назвать образцом толерантности и веротерпимости.

На ПМЖ

...Книга «Легенды Инвалидной улицы» была написана всего за две недели. Это произошло в Париже в августе 1971 года. Книга писалась Севелой в «добровольно-принудительном порядке» по просьбе, а это тот случай, когда отказать было нельзя. Вот что писал сам Севела: «Это был заказ барона Эдмонда Ротшильда. Он нас лично встречал. Мы были первыми эмигрантами в Париже за многие-многие годы. Париж под ладонью Ротшильда был к моим услугам. Он тратил бешеные деньги ради меня. Такие приемы закатывал – на 100–150 персон. Съезжались первые лица Франции. Он сказал, что книга, когда я ее напишу, разойдется по всему миру, ее будут читать, потому что вышибает она слезу у самых твердолобых людей. Я все не решался писать. А потом Машка (дочь от первого брака) меня добила». Одна из секретарш Ротшильда была дочерью казачьего генерала из царской охраны по фамилии Перебийнос. Она родилась во Франции, стала мадам Унбер, но очень хорошо говорила по-русски. Она как-то сказала Севеле: «Фимочка, запомните. Эдмонд носит с вами, как с писаной торбой. Он гордится, что единственный владеет вами».

Но парижская жизнь была только остановкой по пути в Израиль. Свое прибытие на историческую родину Севела десятки, если не сотни раз рассказывал разным слушателям. По прибытии в Израиль их всех сразу отправили в военкомат на предмет годности к службе в армии. Все хотели ее пройти быстрее. Бежавший рядом с Севелой молодой человек, видимо, хотел «закосячить» от армии и попросил заместиться стаканчиком с мочой. Эфраим Севела с гневом отказал. Оказалось, он вряд ли выручил бы парня: по стобалльной шкале у 44-летнего Севелы показатели были на уровне 97 баллов. Врачи были изумлены его здоровьем.

Почувствовав в войне Судного дня как гражданин Израйля, на которой он подбил

два танка производства СССР, Севела стал, по сути, ветераном двух войн. Но внутри он остался прежним и продолжал ворчать: «Я приехал в Израиль, чтобы жить в своем государстве, а уехал отсюда, потому что устал жить в чужом». Закончилось все тем, что он назвал землю обетованную «страной вооруженных дантистов» и отбыл на ПМЖ в США, где продолжил выражать свое недовольство.

Однажды Севела тайно приезжал в Бобруйск. Почему тайно? На этот вопрос он ответа не дал. Просто описал свою поездку: «В Бобруйск, о котором я пишу всю жизнь, я приезжал нелегально. Это было в конце восьмидесятых. Я сидел в машине на заднем сиденье. Проскочили по улицам, нигде не останавливаясь, и на кладбище. Конечно, я сразу пошел к маминой могиле. Пока там стоял, вся жизнь пронеслась перед глазами».

В Бобруйск его привез друг, с которым он дружил всю жизнь, – Лев Володин. После окончания военно-воздушного училища в Ленинграде Лев Иоффе (это была его настоящая фамилия) служил в боевых авиационных частях, действовавших на Северном фронте. А в мирные годы голос Льва Володина знала вся Беларусь. Кстати, известный и любимый диктор, корифей белорусского радио был гениальным пародистом. Когда на съемках фильма «Атланты и кариатиды» Евгений Евстигнеев отказался озвучивать пятиминутный эпизод, Володин с легкостью заменил его, и никто этого не заметил...

Эфраим Севела не был ни антисоветчиком, ни диссидентом. Он всю жизнь считал себя бобруйским евреем с Инвалидной улицы. И эта улица была для него центром мироздания, как витебское небо для Шагала. Он выразил и запечатлел все парадоксы и прелесть советского быта и системы человеческих отношений, в чем-то искусственных, но очень трогательных.

Вся притягательность и сила его прозы в рафинированной простоте. Читателю кажется: стоит сесть за письменный стол и он сможет написать то же самое. А еще – в произведениях Эфраима Севелы каждый видит себя, осязает объем и чувствует запах ушедшего времени, в котором жили его родители, бабушки и дедушки, а может быть, и он сам...

Игорь КОЗЛОВ ─